

Рубрику ведут
Татьяна Глуховская и
Сергей Хоршев-Ольховский

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА «АРИА»

Международный Союз литераторов и журналистов

СМЕРТЬ БЕЛКИ

В саду умирала белка. Я поняла это не сразу. Субботнее утро. Утро в субботу начинается в десять. Муж на работе. Медленно открыла глаза, медленно встала, по-утреннему медленно и бесцельно заглянула во все комнаты. Приготовила кофе по-турецки и вышла в сад.

Редкие минуты. Блаженство. Счастье могло быть абсолютным, если бы не мохнатый шмель, который кружил надо мной. Я не шевелилась, и молча уговаривала его: уходи, улетай. Не думай, что моя нечесаная и вздохмаченная голова – душистый хмель. Улетел.

В общем, утро было чудесное. Над головой висело чистое голубое небо – такая редкость в Лондоне. На лужайке сидели две маленькие птички, похожие на зарянок, и о чем-то переговаривались. Я пила кофе и лениво осматривала сад-лужайку. Что может омрачить такой день?

В углу – куст серебристой полыни, а под ним что-то серое. Белка! Не может быть! Точно – наша белка! Белка, которая обычно шарается от любого щелчка, улеглась под кустом и спокойно лежит. Те же два белых пятна на голове, похожие на залысины, как у Ленина. Так я хотела и назвать её. Но муж сказал, что, между прочим, белка не он – а она. И вообще, больше смахивает на исландскую певицу Бьёрк. Я удивилась: когда это он успел найти различие между «он» и «она»? Лично я поняла, когда увидела белку беременной. Каждый раз звать: Бьёрк, Бьёрк!.. – язык можно сломать. Лучше Баська.

***

Не знаю, как долго она живет здесь. Лично я – пять лет. Первый год присматривались друг к другу: я из-за занавески; она сидя на заборе. Белка обосновала дом-гнездо на чердаке. Муж показал мне дыру-лазейку. Видимо это её парадный выход в сад.

– Баська, Баська!.. – негромко позвала я. Никакой реакции. Хвост завален набок. Слабый ветерок играет в шерсти. Я привыкла к белке. Она стала частью

сада и моей жизни. Но – если честно – не много побаивалась её. Муж виноват. Как-то он сказал:

– Осторожно: это не белка! Это оборотень!.. Укусит – заболеешь. Белка-крыса. Цвет у неё не тот.

– Ну и что?!
– Должен быть рыжий.
– Не хочет она быть рыжей. Ей серый больше к лицу. Мне тоже.

– Может это даже диверсия со стороны американцев!.. – настаивал муж.
– Опять ты за своё!.. – огрызнулась я. – Белка это!

–...А может и со стороны русских? – не унимался муж.

– Русские белки рыжие! – я умышленно громко стукнула чашкой о блюдо. Белка-диверсантка не пошевелилась. – «Странно. Неужели?..».

Пару недель назад муж вскопил ночью с кровати и полез на чердак.

– Всё, хватит, убью! – сказал он утром.

– Когда?

– Не тебя. Баську твою.

– Она беременна.

Муж явно был не в духе. Отодвинул чашку, начал жестикулировать и доказывать, какой вред принесит белка. Все погрызла на чердаке, соседи жалуются, по ночам шум-гам, скоро начнет грызть деревянный корпус семейной реликвии – машинки «Зингер», которая, между прочим, изготовлена в девятнадцатом веке.

«Видела я «Зингер». Белка грызть не станет: в пыли, в паутине, замасленная-замусоленная. Я бы тоже не стала. А вот шить попробую, – подумала я. – Они же, эти «Зингеры» – вечные».

К концу недели приехал из Уэльса Дэйв – брат мужа. В руках новенькое, сияющее ружьё-двустволка.

Я ахнула и начала суесться. Как бы между прочим поинтересовалась: есть разрешение на пользование оружием? Предложила поехать на озеро или в музей «Имперских войн», куда муж давно собирался. Получи-

ла отказ. Я поняла: всё бесполезно – в них проснулся древний инстинкт мужчины-воина.

Они в сад, на разведку. Я за ними. Муж иностранец. Вернее, я иностранка, он парень местный, британский.

Я люблю мужа. Но мы не только из двух разных стран, – мы из двух разных миров. Я устала от бесконечных, доходящих до развода споров на тему: «Какой народ лучше: русский или английский?» Хотя сама же и начинаю. А ещё я не могу избавиться от назойливой привычки всё загадывать. Перехожу дорогу: «Если успею проскочить перед зелёным «Рено» – получу письмо. Если убьют белку – разведемся. Чёрт с ним, с паспортом». А сама внимательно прочесывала глазами сад. Где же она?

Ситуация в саду накалялась. Охотники заметили жертву.

Не знаю, что взяло верх: жалость к беременной белке или нежелание разводиться. В тот момент, когда Дэйв начал целиться, я вдруг громко закричала:

– Погода прекрасная сегодня, не так ли?!
Погода была так себе. Белка поняла меня правильно и отскочила в сторону.

Дэйв промазал. Охота не удалась.

***

Белка подала признак жизни: подняла курносую морду вверх и снова положила на лапки. Большая чёрно-зелёная муха села ей на нос – никакой реакции. Я подошла ближе, прогнала муху и тихо позвала: «Баська». Она открыла глаза. Я заглянула в них и вздрогнула: точно такое выражение я видела в глазах умирающей бабушки. Вернее, никакого выражения – пустота. Серые бездонные круги.

На следующий день я вешала бельё. Соседка занималась тем же.

– Сдохла белка! – радостно сообщила она. – Муж бросил её в мусорный бак.

«Умерла...», – подумала я. Подошла к кусту полыни. Ключки серой шерсти запутались в траве. «Царство тебе небесное, Баська...», – мелькнуло в голове – и задумалась: можно ли так говорить вслед ушедшим белкам?.. Но

ВАЛЕНТИНА КОРКОРАН (АНГИЛИЯ). В Лондоне с конца прошлого века. Победитель 5-го международного фестиваля «Пушкин в Британии» в номинации короткого рассказа. Автор книги «И на том спасибо...». Вице-президент АРИА, руководитель лондонского литературного клуба и семинара при АРИА.

вышел муж и протянул руку вверх:

– Смотри!

Я подняла голову и ахнула. Мне показалось, что на стене два гигантских паука. Подошла ближе и увидела двух маленьких белочек. Они распластались и как будто прилипли к стене.

У одной белые пятна-залысины на голове, а вторая – рыжая. Ура – наша взяла! Время от времени бельчата-паучата по-пластунски перемещали тела в сторону норы-лазейки.

Чтобы не злить мужа, я повесила на лицо равнодушное выражение и сказала:

– Надо же – рыжая...

– Я же говорил – диверсия!.. – бросил муж. «Сегодня сниму «Зингер» с чердака и куплю орешков...», – подумала я.

***

Он понял вдруг, что чувство русской речи Почти утратил. И на сердце мгла. И повторяло эхо: «Онемечен...», И речь чужая нёбо обожгла.

И небо опрокинулось, сдавило. Жизнь теплилась лишь где-то на краю

Сознания. И неведомая сила Толкала в ледяную полыню...

Земля тверда везде, но речь – иная, Вот перемены местности итог. И от хребтов Урала до Синая Звучат наречья разные, сменяя Чуть глуховатый на гортанный слог.

ВИТАЛИЙ ШНАЙДЕР (ГЕРМАНИЯ). Родился в 1954 году в Одессе. В 1962 году вместе с семьёй переехал в Таллин. Журналист. Работал во многих русскоязычных газетах Эстонии, а также на телевидении репортёром еженедельной криминальной хроники. В Германии (г. Ганновер) с июля 2001 года. Автор четырёх книг стихов и переводов: «Прерванный сон» 1996 г., «Знак совпадения» 2001 г., «Иные берега» 2008 г., «Закатный ветер» 2012 г. Входит в Объединение немецких журналистов и прессы (DPV e.V.) и в редколлегиях русско-немецкого литературного журнала «Studio/Студия». Директор Международного Союза литераторов и журналистов «АРИА» в Германии.

КАЗАК ВЕЗДЕ КАЗАК

Другу-атаману

Сергею Хоршеву-Ольховскому.

От берегов туманных Альбиона До Дона-батюшки – казак везде

Скажи, мой друг, ведь в казаки не всяк

Годится, – сабель звона Кто не страшится, тот тебе «земляк».

На поле брани иль в пиру-застолье Ты первым был и будешь

Казачья удаль, биваков среди друзей,

Служенья честь, – всегда ты верен ей.

И град Ганновер рад твоим визитам,

Обязан многим он донским орлам, И Бонапарта видел он разбитым, И памятник воздвиг здесь казакам.

Поднимем, братцы, по единой чарке За мужество, за доблесть и за честь

Донского воинства, лучшие подарки – С друзьями выпить и, бог весть, Проскачем вновь под Триумфальной аркой...

***

Ряды могил на стареньком кладбище Становятся с годами все длинней. Безлюдно здесь. Бродяга-ветер свищет, Засохший лист гоняя вдоль аллей.

Имен все больше на гранитных плитах Знакомых с детства, близких мне людей, Забытых нынче, в прошлом знаменитых, Черты их лиц лишь в памяти моей.

***

Мы погибшей империи дети, За грехи вековые страны Своей сломанной жизнью в ответе – Расплатиться сполна мы должны.

Всё, чем жили, вдруг стало бессмысленным, Утром встали, а родины нет, Без войны, без единого выстрела, И не купишь обратный билет.

***

Нести свой крест, хрипя и стиснув зубы, До дней последних мы обречены, Тяжёлый крест из древесины грубой, Не возроптав, не разогнув спины.

Плюют в лицо, швыряют камни в темя, На рёбрах мясо сбито до кости... Сколь ни целебно, не излечит время Того, кто обречён свой крест нести.

МОЛИТВА

Прошу, прости меня За все мои грехи, За слабый блеск огня И горькие стихи.

За мысли о былом И суетность, и ложь, За время-метроном, Что будит в сердце дрожь.

Прошу, не отвергай, Судить не поспеши, Надежды лучик дай На донышке души.

Прости меня за крик, За маету и боль, За то, что мир велик, За знание – жизни соль.

Не покидай меня, Помилуй и спаси, Ночь отдели от дня, Над бездной пронеси.

Храни меня в пути, На суше и в воде, Не дай с ума сойти, Храни меня везде.